

Т. А. Ложкова
*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-1(Кюхельбеккер В. К.)
ББК Ш33(Рос=Рус)5-8,445

«ЯМБЫ» В. К. КЮХЕЛЬБЕККЕРА КАК ЛИРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

Аннотация. Статья посвящена анализу лирического творчества В. К. Кюхельбекера во время пребывания на Урале. Количество лирических произведений, написанных ссыльным декабристом в данный период невелико, однако среди них выделяется группа стихотворений, для которых характерно единство как лирической ситуации (поэт перед лицом смерти), так и поэтической формы: все эти произведения написаны в жанре ямба, активно представленного в мировой поэтической традиции и востребованного Кюхельбекером в качестве поэтической формы, наиболее полно выражающей его внутреннее состояние в последние годы жизни. Автор статьи обнаруживает, с одной стороны, явное влияние на данные произведения поэтического цикла Андре Шенье «Ямбы», а с другой стороны, обнаруживает оригинальный характер поэтической мысли русского поэта, позволяющий рассматривать ямбы Кюхельбекера как изначально и сознательно создававшийся лирический цикл. Циклизация интерпретируется как специфическое проявление характерного для позднего творчества Кюхельбекера тяготения к крупным формам (трагедия, мистерия в драматургии, роман, лиро-эпическая поэма). В то же время «Ямбы» убедительно демонстрируют верность Кюхельбекера гражданской романтической поэзии, стилевым и жанровым установкам «литературного декабризма».

Ключевые слова: Кюхельбекер, «Ямбы», лирический цикл, лирический жанр.

Лирическое творчество последних лет жизни В. К. Кюхельбекера редко становится предметом специального научного интереса. Как правило, исследователи ограничиваются самой общей его характеристикой, обращая внимание на заметное уменьшение удельного веса лирики по отношению к творчеству ссыльного декабриста в целом [Королева 1967: 43], на преобладание минорных интонаций, что объясняется трудностями непривычного сибирского быта (освободившись из заключения в декабре 1835 г, Кюхельбекер в январе 1836 г. прибывает к месту ссылки в Баргузин, а через четыре года перебирается в пограничную крепость Акшу), личными неурядицами, общим депрессивным состоянием оказавшегося в ситуации духовного и душевного одиночества художника [Базанов 1950: 133]. Тщетные попытки впечатать хотя бы под псевдонимом свои произведения, ухудшающееся здоровье - все это не могло не отразиться на общем звучании написан-

ных в сибирский период стихотворений, преимущественно элегий. Лирический герой в них утрачивает черты романтической избранности, идеальности, превращаясь в обычного «маленького» человека, растерянного, измученного бесконечной борьбой с житейскими неурядицами:

А я один средь чуждых мне людей
Стою в ночи, беспомощный и хилый,
Над страшной всех надежд моих могилой,
Над мрачным гробом всех моих друзей
«19 октября 1836 г.» (296)¹.

Да и сама жизнь представляется тяжелым, бессмысленным существованием, отягченным заботами серой повседневности:

Нам только говорят: «Иди! иди!
Надолго нанят ты; еще тебе не время!
Ступай! не уставай, не думай отдохнуть!»
Да силы уж не те, да все тяжеле путь,
Да плечи все большее ломит бремя!
«Работы сельские подходят уж к концу...» (312).

Поэтический мир элегий сибирского периода заполняется мелочами повседневного быта, житейской конкретикой:

Я волен, что же? - бледные заботы,
И грязный труд, и вопль глухой нужды,
И визг детей, и стук тупой работы
Перекричали песнь золотой мечты
«Разочарование» (293).

Слепнувший поэт все реже испытывает минуты вдохновения. Значит ли это, что в поздней лирике Кюхельбекера можно наблюдать лишь процесс затухания, угасания творческого дара? Думается, это не так. Последние годы жизни поэта оказываются озарены ярким, хотя и коротким подъемом духа, напоминающим о прежнем неукротимом энтузиасте-романтике. Возможно, одной из причин тому послужила перемена места ссылки: после настойчивых просьб в феврале 1845

---

¹ Цит. по: Кюхельбекер В. К. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1 М.; Л.: Сов. писатель, 1967 с указанием страницы.

года Кюхельбекер получает дозволение поселиться в Смолинской слободе Курганского уезда Тобольской губернии. Курган, Тобольск, Ялуторовск – места, где к этому времени собирается целая группа ссыльных декабристов. Кюхельбекер, наконец, встречается с Пушиным, Басаргиным, Бриггеном, Повало-Швейковским, Штейнгелем, Оболенским, Свистуновым. Общественно-культурная атмосфера Тобольского края резко отличалась от глухой Акши, что не могло не сказаться благоприятно на психологическом состоянии Кюхельбекера. В то же время условия жизни в Смолинской слободе не способствуют улучшению его здоровья¹. К ноябрю 1845 года страдающий чахоткой поэт окончательно слепнет. Но именно в это тяжелое время в немногих лирических опытах Кюхельбекера появляется жанр, который сам поэт определяет как «ямб». Первым обратил внимание на данную жанровую группу Ю. Н. Тынянов, включивший в нее, в частности, стихотворения «Участь русских поэтов» и «До смерти мне грозила смерти тьма...». Исследователь высоко оценил их художественный и идейно-содержательный уровень [Тынянов 1939: LXXVI – LXXVII].

Ямб – жанр, уходящий корнями в античность. Его создателем принято считать Архилоха, усовершенствовавшего фольклорную форму насмешливой песни, исполнявшейся во время праздников в честь богини Деметры и придавшего ей характер острого сатирического высказывания, обличающего общественные пороки и их носителей. Характерной особенностью жанра является особая ритмическая организация: стихи пишутся шестистопным ямбом. Нововведение Архилоха было подхвачено многочисленными поэтами и писателями как античной, так и последующих эпох.

В России первой трети XIX века интерес к данной жанровой форме во многом был вызван публикацией в 1819 году предсмертного цикла Андре Шенье «Ямбы». Как известно, Шенье, поэт и публицист эпохи Великой Французской революции, оказался втянутым в жестокий конфликт между якобинцами и их противниками, был арестован и казнен 25 июля 1794 г., за два дня до падения Максимилиана Робеспьера [Михайлов 1989: 145-146]. Находясь в заключении в ожидании приговора и казни Шенье создал цикл обличительных стихотворений (девять были закончены, шесть остались в набросках) выбрав в качестве поэтического образца ямбы Архилоха. Стихи произвели сильное

---

¹ О мытарствах Кюхельбекера, тщетно пытавшегося добиться разрешения поселиться непосредственно в Кургане см. подробно в комментарии В.Н. Орлова к переписке поэта: Декабристы-литераторы. М. : АН СССР, 1954. [Ч.] I. (Лит. наследство; Т. 59). С. 476.

впечатление на читателей, в том числе и в России: «“Ямбы”» Шенье полны патетики, их образный строй ярк и подчас даже груб. Широкие обобщения чередуются со страстными проклятиями в адрес конкретных политических деятелей эпохи, которым поэт пророчит скорую гибель. Ратуя за справедливость, за закон (“Мой гнев — законности слуга”), поэт впадает порой в такую же нетерпимость, как и его враги-якобинцы. Это, видимо, было неизбежно: насильственный переворот настолько раскрепощает страсти, что этот грандиозный всплеск эмоций захватывает всех, особенно тех, кто не хочет — как это пытался сделать, по его словам, аббат Сьейес — отсидеться и переждать. Однако в стихах Шенье за личной ненавистью и нетерпимостью к произволу нельзя не ощутить боль за родную страну, раздираемую гражданской войной и оказавшуюся в водовороте страстей и своекорыстных интересов» [Михайлов 1989: 145]. Публицистический пафос органично сочетался в стихотворениях Шенье с элегическими интонациями лирических монологов узника, переживающего минуты сомнений, душевных мук в преддверии скорой смерти.

Образ молодого поэта, павшего жертвой политических страстей, но сохранившего до последних минут жизни верность высоким идеалам справедливости, неколебимость духа и высокую чистоту помыслов, прочно вошел в сознание многих художников, воплотившись в целом ряде литературных произведений (элегия А.С. Пушкина «Андрей Шенье», роман Альфреда де Виньи «Стелло», «Легенда веков» В. Гюго).

Думается, что трагическая судьба Шенье привлекла внимание Кюхельбекера не только в силу сходства с его собственными жизненными обстоятельствами. Участь поэтов – сквозная тема всего его творчества, и в последние месяцы жизни, подводя итог своего земного пути, ссыльный поэт обращается к образу собрата по перу, подхватывая поэтическую эстафету – создает собственные ямбы. В какой степени можно говорить об их художественном единстве?

Прежде всего, бросается в глаза чисто внешний момент - единый принцип ритмической организации ряда произведений, созданных Кюхельбекером в 1845-46 гг.: все они написаны шестистопным ямбом – характерным для интересующей нас жанровой формы размером. Помимо названных Ю. Н. Тыняновым стихотворений «Участь русских поэтов» и «До смерти мне грозила смерти тьма...» (оба написаны в октябре 1845 года), мы включаем в данную группу стихотворения «Работы сельские подходят уж к концу...» (август 1845), «Святому Димитрию Ростовскому» («Я часто о тебе с друзьями говорю...») (ноябрь 1845) и отрывки из стихотворения «Клеветнику», о котором читаем

следующее примечание Н. В. Королевой: «По свидетельству Ю. Н. Тынянова, начальные и средние строки в рукописи дневника вырваны. В ЦГАЛИ (ф. Каверина) сохранилась заметка Ю. Н. Тынянова (?), что стихотворение начато 25 января, окончено 5 марта 1846 г. Основания датировки не приводятся. По-видимому, обращено к шефу жандармов и главному начальнику III Отделения Алексею Федоровичу Орлову, усилившему тайный надзор за декабристами и поощрявшему доносы. Орлов отказал К. в просьбе помочь ему получить разрешение печататься (1840)» [Кюхельбекер 1967: 649].

Разумеется, одной только ритмической организации недостаточно, чтобы говорить о единстве данной группы стихотворений. Бросается в глаза и единство общего тона, обусловленное лирической ситуацией, контуры которой довольно ясно просматриваются в каждом тексте. Все перечисленные стихотворения призваны выразить трагическое душевное состояние лирического героя – одного из преследуемых врагами, роком поэтов. Наиболее полно оно раскрывается в стихотворении «Участь русских поэтов», которое носит явно программный в характер:

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию:
Для славы и Рылеев был рожден;
Но юноша в свободу был влюблен. . .
Стянула петля дерзостную выю.
Не он один; другие вслед ему,
Прекрасной обольщенные мечтою, —
Пожалися годиною роковою. . .
Бог дал огонь их сердцу, свет уму,
Да! чувства в них восторженны и пылки:
Что ж? их бросают в черную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылкой. . .
Или болезнь наводит ночь и мглу
На очи прозорливцев вдохновенных;
Или рука любовников презренных
Шлет нулю их священному челу;
Или же бунт поднимет чернь глухую,
И чернь того на части разорвет
Чей блещущий перунами полет
Сияньем облил бы страну родную (314-315).

Заметно тяготение к определенной итоговости размышлений лирического героя в ямбах. С одной стороны, все они пронизаны чувством острой горечи, негодования, протеста против несправедливости, проявления которой он видит на самых разных уровнях и общественного, и надличного, космического бытия. С другой стороны, сдержанные интонации, минимум риторики придает ямбам Кюхельбекера совершенно особое звучание: спокойно и уверенно звучат монологи человека, который стоит на пороге земного мира и, в сущности, ему уже не принадлежит. Именно так обращается он к одному из своих гонителей:

Нет у тебя друзей: лжецы и пустомели
Твои орудия: ты выгоняешь их
Как бешеных собак на всех врагов твоих!
Но есть, поверь мне, есть на свете Немезида,
И ею всякая приемлется обида
И в книгу вносится, и молча книгу ту
Читает день и ночь таинственная дева;
И выбирает жертв, и их казнит без гнева,
Но и без жалости. За ложь и клевету
Заплатят некогда такую ж клеветою,
И в сердце и твое убийственной стрелою
Вонзится злая ложь...

«Клеветнику» (326).

Казалось бы, при мысли о перенесенных обидах сердце лирического героя закипает, из уст рвутся беспощадные, разящие противника инвективы, степень лирической напряженности возрастает. Но избытие переносов сбивает накал обличительных интонаций, лирический герой словно сам останавливает себя, не желая быть захваченным страстями, пусть и благородными, но слишком земными. Он уже находится на той ступени духа, когда может спокойно обозреть коллизии житейской драмы с позиции сверхзнания, доступного душе, приблизившейся к окончанию своего пребывания в сей юдоли:

До смерти мне грозила смерти тьма
И думал я: подобно Оссиану
Блуждать во мгле у края гроба стану;
Ему подобно, с дикого холма
Я устремлю свои слепые очи
В глухую бездну нерассветной ночи,

И не увижу ни густых лесов-
Ни волн полей, ни бархата лугов,
Ни чистого, лазоревого свода,
Ни солнца чудесного восхода;
Зато очами духа узрю я
Вас, вещи таинственные тени,
Вас, рано улетевшие друзья,
И слух склоню я к гулу дивных пеней,
И голос каждого я различу,
И каждого узнаю по лицу (313).

Даром сверхвидения лирический герой ямбов обладает не только потому, что буквально стоит на пороге между жизнью и смертью, но и в силу своей причастности особой касте избранных – поэтическому братству. Мотив духовного одиночества художника в ополчившемся на него мире антитетически соотнесен в ямбах с мотивом духовного единения поэтов, творцов. Идея творчества как особой, доступной лишь немногим избранныкам формы жизнедеятельности и жизнетворчества - ключевая для Кюхельбекера. Отсюда – специфический облик лирического героя - пророка, титанической личности, причастной высшей воле и дерзающей силой своего слова менять основы мирового бытия в его стихотворениях додекабрьского периода:

Глагол, с небес в меня вложенный,
Как гром, промчится в времена, -
Дивясь, умолкнут племена;
Свой слух преклонят изумленный
Моря, и дол, и вышина.

Гремите же, святые струны,
Пред богом: он хранит певца!
Раздайтесь до миров конца;
Летите, звучные перуны,
Разите гордые сердца!

«Упование на бога» (1822-23), (165-166).

В сущности, мы сталкиваемся в данном случае со специфическим для Кюхельбекера вариантом творческой реализации лежащей в основе декабризма как общественного и литературного движения идеи достижимости романтического идеала, возможности его осуществления путем переделки несовершенного мира в соответствии с собственны-

ми, субъективными представлениями о должном, породившей, в свою очередь, стремление воплотить этот идеал как в художественной, так и в бытийной реальности. Он активно работал над поиском поэтических средств (жанровых форм, стиливых приемов), позволявших в наиболее полной мере реализовать сверхактивную жизненную позицию личности героического типа, вступающей в бескомпромиссную борьбу с мировым злом. Если в додекабрьский период наиболее адекватной для художественного самовыражения такой личности была ода, то на завершающем этапе Кюхельбекер выбирает ямб – жанр, в силу специфической психологической ситуации, заданной еще Андре Шенье (поэт-узник на пороге смерти), позволяющий сохранить высокий пафос лирического повествования, но уравновешивающий его сдержанными интонациями размышлений итогового характера. Традиционный для элегического жанра размер – шестистопный ямб, диктует ритмико-интонационный рисунок, не позволяет «парить», подобно одическому «певцу», но побуждает размышлять. Неспешно, имя за именем, образ за образом, выстраивается в ямбах Кюхельбекера круг тех, кого называет он своими друзьями, братьями, тех, с кем его связывают узы духовного родства: Грибоедов, Пушкин, Рылеев, Дельвиг, Баратынский:

И голос каждого я различу,
И каждого узнаю по лицу.
Вот первый: он насмешливый, угрюмый,
С язвительной улыбкой на устах,
С челом высоким под завесой думы,
Со скорбию во взоре и чертах!
В его груди, восторгами томимой,
Не тот же ли огонь неодолимый
Пылал, который некогда горел
В сердцах метателей господних стрел. —
Объятых духом вышнего пророков?
И что ж? неумолимый враг пороков
Растерзан чернью в варварском краю...
А этот край он воспевал когда-то,
Восток роскошный, нам, сынам заката,
И с ним отчизну примирил свою! —
И вот другой: волшеббно-сладкогласный
Сердец властитель, мощный чародей,
Он вдунул, будто новый Промефей,
Живую душу в наш язык прекрасный. ..

Увы! погиб довременно певец:
Его злодейский не щадил свинец!
За этою четою исполинской
Спускаются ид лона темноты
Еще две тени: бедный Дельвиг, ты,
И ты, его товарищ, Баратынский!
Отечеству драгие имена,
Поэзии и дружеству святые!
Их музы были две сестры родные,
В них трепеталася душа — одна! (313-314).

Но ряд может быть значительно расширен: сама форма ямбов призвана воскресить в сознании предполагаемого читателя Андре Шенье, Николя-Жозефа-Лорана Жильбера (рано ушедшего из жизни поэта-сатирика XVIII в.) и далее – Оссиана и Архилоха, образ которого в последние годы жизни чрезвычайно занимал Кюхельбекера (поэт активно работает в это время над драмой «Архилох», [подробно см.: Базанов 1961: 293-296]). В этот же ряд оказывается включенным и образ святого Димитрия Ростовского (Туптало) – незаурядного деятеля Русской православной церкви, деятельного просветителя, автора духовных сочинений:

Угодник господа! Какая связь, скажи,
Между тобою, муж, увенчанный звездами,
И мною, узником грехов и зол и лжи.
Вдрожь перепуганным своими же делами.

К тебе влекуся, но — и ты влеком ко мне...
Ужели родственны и впрямь-то души наши.
И ты скорбишь в своей надзвездной вышине,
Что я, твой брат, пью жизнь из отравленной чаши?

<Святому Димитрию Ростовскому>
(315)

Пророческий дар, возвышающий души творцов, делающий их причастными к высшим первоосновам бытия, становится залогом их бессмертия. Твердая уверенность в этом и придает ямбам Кюхельбекера утверждающий характер: лирический герой спокойно и гордо встречает вызовы и удары враждебной судьбы.

Насколько правомерно объединение ямбов Кюхельбекера в лирический цикл? Полагаем, что правомерно, поскольку мы можем уверенно говорить о наличии в ямбах единого облика лирического повествователя, единстве лирической ситуации, наличии сквозной образной структуры и интонационно ритмического рисунка и даже о контурах внутреннего лирического сюжета, строящегося на движении душевного состояния героя от переживания минут тоски и душевного упадка к духовному подъему и спокойной уверенности в собственной правоте. Все это признаки, традиционно свойственные именно лирическому циклу [Дарвин 1983: 9-15]. В то же время каждое произведение может восприниматься и как вполне самостоятельное и завершенное, однако в соотносительности с другими произведениями оно обретает дополнительные смысловые оттенки, возникающие на уровне межтекстовых взаимоотношений. В этом смысле мы можем вполне идентифицировать предполагаемый цикл как «произведение произведений» [Дарвин 1997: 9]. Вопрос в том, насколько осознанно работал поэт над его созданием? Думается, степень осмысленности была весьма высока. Основания для такого предположения мы находим в издании сочинений поэта-декабриста, подготовленном и откомментированном Ю. Н. Тыняновым [Кюхельбекер 1939]. Именно в это издание включено следующее стихотворение:

Введение к Ямбам

Кошунством был в то время каждый зал,
Как молодой Жильбер, за веру смелый мститель,
В борьбе со шайкою вралей крикливых пал,
И повезли его в последнюю обитель,
И отдыхает он от жизненных тревог;
Но ангел юноши, его святой хранитель,
Проворный, грозный бич, бесстрашного сберег.
Мне ныне этот бич вручает бестелесный
И говорит: «возьми! пред богом изнемог
Их сонм неистовый, рассеет луч небесный
Мрак ими созданный — остаток их развеи,
Держай, и над тобой простру я щит чудесный!»
Готов я, господи! Но из души моей
Все страсти вырви вон, и ненависть и мщенье!
И да бичую я грехи, а не людей,
Да будет мне врагом едино заблужденье!

А за объятых им пусть я молось тебе, —
И ты, благий, пошлешь их слепоте прозренью!
Готов я, руки к радостной борьбе
С надеждою я бодростью душевной
Я протяну, и, вверясь судьбе,
Из тетивы трепещущей и гневной
Мой стих понесся, и беда тебе,
Глашатай лжи, надменной, но плачевной [Кюхель-
бекер 1939: 208].

В примечании к данному стихотворению читаем: «**Введение к Ямбам.** Начало 1846. Печатается впервые по рукописи дневника» [Кюхельбекер 1939: 470 (Разрядка авт. – Т.Л.)]. Очевидно, что мысль о цикле возникла у Кюхельбекера в процессе работы над ямбами, поскольку к началу 1846 года некоторые из них уже были написаны. По видимому, мы имеем дело со своеобразным соединением двух возможных вариантов возникновения лирического цикла, охарактеризованных М. Н. Дарвиным как «первичные», то есть создающиеся с самого начала как художественное единство, и «вторичные», возникающие на основе объединения различных произведений, написанных в разное время и по разному поводу [Дарвин 1883: 20]. Ямбы писались Кюхельбекером в очень сжатые сроки (вторая половина 1845-начало 1846 гг.). Возможно, поначалу его внимание привлекла специфическая жанровая форма, а затем возник замысел собственно цикла. Но возможен и иной вариант: Кюхельбекер сразу задумал создание цикла стихотворений по образцу «Ямбов» Андре Шенье, но вписал в дневник предполагаемое вступление, лишь закончив над ним черновую работу. В конечном счете, уровень первичности цикла в данном случае не имеет особого значения. Важно другое: согласно комментариям и публикации Ю. Н. Тынянова Кюхельбекер задумал создать именно «Ямбы» - полноценный лирический цикл, который должен был открываться программным авторским вступлением, в котором были эскизно намечены все ведущие структурные элементы. Во «Введении к Ямбам» обозначена ведущая лирическая коллизия (преследуемый «гонителями» и роком поэт перед лицом близкой смерти), выстроены психологические основания для утверждения торжества причастного высшим тайнам пророческого духа над брэнной суетой враждебной действительности, заявлена активная позиция художника – стойкого борца с мировым неустройством, понимаемом в самом широком смысле. Задан и ритмико-интонационный рисунок: сдержанная величавость, уверен-

ность тона, обусловленная стилевыми приемами, характерными для поэзии высокого типа.

К сожалению, в наших рассуждениях мы можем опираться только на сведения, почерпнутые из комментариев Ю. Н. Тынянова. Как известно, в силу трагических обстоятельств значительная часть Кюхельбекеровского архива, в том числе и страницы дневника, на которых были записаны последние стихотворения, были утрачены [подробно см.: Кюхельбекер 1979: 648-649]. Однако у нас нет оснований не доверять Ю. Н. Тынянову, заметки и публикации которого воспринимаются издателями произведений Кюхельбекера как вполне достоверные источники [Кюхельбекер 1979: 661]. В таком случае наличие «Введения к ямба» дает нам право говорить о «Ямбах» Кюхельбекера как «связанном» по терминологии Е. С. Хаева [Хаев 1980: 57] лирическом цикле, поскольку наличие «открывающего», задающего логику лирического сюжета произведения неминуемо определяло внутреннюю организацию входящих в него компонентов.

Еще одно обоснование выделения «Ямбов» как лирического цикла мы видим в общей логике творческой эволюции Кюхельбекера. Если на первом этапе в его поэтической системе доминировала лирика, то в 1830-е годы он обнаруживает явное тяготение к крупным драматическим (трагедия «Прокофий Ляпунов», мистерия «Ижорский», драматическая сказка «Иван купецкий сын»), эпическим (роман «Последний Колонна») и лиро-эпическим (несколько крупных поэм) формам. Процесс циклизации в лирике вписывается в магистральное направление развития творческой мысли Кюхельбекера. В то же время можно говорить и о наличии некоторой внутренней разбалансированности его сознания. Сошлемся на размышления Н. Л. Лейдермана, по мнению которого цикл – специфическая жанровая форма, к которой художник обращается в ситуации поиска путей к обретению и воплощению целостного образа мира: «В рамках историко-литературного периода цикл выступает как жанровая форма, представляющая собой начальные опыты художественного синтеза, первые разведывательные попытки нащупать “всеобщую связь явлений”». Однако, “всеобщая связь явлений” не поддается тому простодушному способу ее постижения, на котором строится цикл. Там же, где системная связь, охватывающая сложную диалектику отношений человека с миром, оформляется в структуре цикла - цикла в собственном смысле уже нет. Он диалектически самоотрицается, трансформируется в роман, где сцепление частей или глав, бывших некогда самостоятельными новеллами, настолько органично и ненарушимо, что о циклизации можно говорить лишь с точки зрения творческой истории произведения, но ни в коем

случае не с точки зрения его действительной, функциональной жанровой завершенности» [Лейдерман 2010: 243]. Возможно, к созданию «Ямбов» Кюхельбекера побудило стремление в очередной раз найти форму, позволяющую охватить рефлектирующим сознанием поэта бытие в его универсальной целостности, определяемой сложной диалектикой взаимосвязанных и взаимоотталкивающихся сущностей. Замысел остался не завершенным: и в этом Кюхельбекер повторил судьбу Андре Шенье. Однако в определенном смысле «Ямбы» позволяют воспринимать наследие поэта-декабриста как художественную целостность, поскольку демонстрируют его верность ключевым творческим установкам и принципам на протяжении всего нелегкого жизненного пути.

ЛИТЕРАТУРА

Кюхельбекер В. К. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1 М. ; Л. : Сов. писатель, 1967.

Кюхельбекер В. К. Лирика и поэмы: в 2. Т. Т. 1. Л. : Сов. писатель, 1939.

Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. М. : Наука, 1979.

Декабристы-литераторы. Ч. I. (Лит. наследство; Т. 59). М. : АН СССР, 1954.

Базанов В. Г. Поэты-декабристы. К. Ф. Рылеев. В. К. Кюхельбекер. А. И. Одоевский. М.; Л. : АН СССР, 1950.

Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М. ; Л. : ГИХЛ, 1961.

Дарвин М. Н. Проблема цикла в изучении лирики. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т., 1983.

Дарвин М. Н. Художественная циклизация лирических произведений. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997.

Королева Н. В. В. К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В. К. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1 М. ; Л. : Сов. писатель, 1967. С. 5-61.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург: Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т, 2010.

Михайлов А. Д. Вступление // Андре Шенье. Ямбы (перевод с французского Геннадия Русакова // Иностранная литература, 1989, № 7, С. 145-153.

Тынянов Ю. Н. В. К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В. К. Лирика

и поэмы: в 2. Т. Т. 1. Л. : Сов. писатель, 1939. С. LXXVI – LXXVII.

Хаев Е. С. Проблема композиции лирического цикла (Б. Пастернак «тема с вариациями») // Природа художественного целого и литературный процесс. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т , 1980. С. 154 – 175.

REFERENCES

Kjuhel'beker V. K. Izbrannye proizvedenija: V 2 t. Т. 1 М.; L.: Sov. pisatel', 1967.

Kjuhel'beker V. K. Lirika i pojemy: v 2. Т. Т. 1. L.: Sov. pisatel', 1939.

Kjuhel'beker V. K. Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i. М. : Nauka, 1979.
Dekabristy-literatory. [Ch.] I. (Lit. nasledstvo; Т. 59). М.: AN SSSR, 1954.

Bazanov V.G. Pojety-dekabristy. K.F. Ryleev. V.K. Kjuhel'beker.A.I. Odoevskij. М.; L. : AN SSSR, 1950.

Bazanov V.G. Oчерki dekabristskoj literatury. Pojezija. М. ; L. : GIHL, 1961.

Darvin M.N. Problema cikla v izuchenii liriki. Kemerovo: Kemerovskij gos. un-t., 1983.

Darvin M.N. Hudozhestvennaja ciklizacija liricheskikh proizvedenij. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997.

Koroleva N.V.V.K. Kjuhel'beker // Kjuhel'beker V.K. Izbrannye proizvedenija: V 2 t. Т. 1 М.; L.: Sov. pisatel', 1967. S. 5-61.

Lejderman N. L. Teorija zhanra. Ekaterinburg: Institut filologicheskikh issledovanij i obrazovatel'nyh strategij «Slovesnik» UrO RAO; Ural. Gos. ped. un-t, 2010.

Mihajlov A.D. Vstuplenie // Andre Shen'e. Jamby (perevod s francuzskogo Gennadija Rusakova // Inostrannaja literatura, 1989, № 7, S. 145-153.

Tynjanov Ju.N. V. K. Kjuhel'beker // Kjuhel'beker V.K. Lirika i pojemy: v 2. Т. Т. 1. L.: Sov. pisatel', 1939. S. LXXVI – LXXVII.

Haev E.S. Problema kompozicii liricheskogo cikla (B. Pasternak «тема с вариациями») // Priroda hudozhestvennogo celogo i literaturnyj process. Kemerovo: Kemerovskij gos. un-t , 1980. S. 154 – 175.